

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2024 Том 29, №4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Дьякова О.В. Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье.....	7
Кожевникова Д.В. Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова)	24
Колобова К.А., Харевич А.В. Бочарова Е.Н., Павленок Г.Д., Жданов Р.К., Кривошапкин А.И., Мухтаров Г.А., Худжагелдиеев Т.У. Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций.....	41
Григорьев С.А. Природные катастрофы как маркеры хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке	58
Цыбиктаров А.В. Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров	79

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Курбанова З.И. Текстильные традиции каракалпаков: курақ и жыртыс в семейных обрядах.....	107
Зинченко А.В. Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ	125
Ожередов Ю.И. Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп. Аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии.....	141
Щеглова Т.К. Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг.	164

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Забияко А.П., Ван Цзюньчжэн. Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения буддизма на территориях чжурчжэней (в бассейне Амура).....	188
Дашковский П.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг.	211
Долин В.А. Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии....	234

ДЛЯ АВТОРОВ.....	251
------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

Dyakova O. V. Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye	7
Kozhevnikova D. V. The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov).....	24
Kolobova K.A., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Pavlenok G.D., Zhdanov R.K., Krivoshapkin A.I., Muhtorov G.A., Khudzhageldiev T.U. Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer	41
Grigoriev S.A. Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age	58
Tsibiktarov A.D. Slab graves and kherekssures of the staraya kapcheranka i burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and kherekssur culture.....	79

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

Kurbanova Z.I. Textile traditions of Karakalpaks: quraq and zhyrtys in family rites.....	107
Zinchenko A.V. The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke	125
Ozheredov Yu.I. Paleoselkupy “shieshgula” and selkup shoshkup. Aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography.....	141
Shcheglova T.K. Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–70-ths	164

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

FOR AUTHORS

Zabiyako A.P., Wang Junzheng. Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin)	188
Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V. The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s.	211
Dolin V.A. Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia.....	234

FOR AUTHORS.....	251
------------------	-----

УДК 322

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-11

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ОБЩИН В ТУВЕ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СССР В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.

В Советском Союзе после смерти И. В. Сталина происходят изменения в системе государственно-конфессиональных отношений. Государственно-конфессиональная политика исследуемого исторического отрезка времени характеризуется переменчивостью, бессистемностью и нелинейностью, о чем свидетельствуют в первую очередь документы советского законодательства и архивные материалы. В целом хрущевская политика на этом этапе носила умеренный атеистический характер при проведении идеологических мероприятий в государстве. В связи с этим положение религиозных общин в стране в рассматриваемое время считается как относительно стабильное. Цель статьи — исследование положения буддийских общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1950-х гг. Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые документы и архивные материалы фонда Государственного архива Российской Федерации, отражающие влияние советской государственно-конфессиональной политики на население Тувы в середине 1950-х гг. Исследование проводилось с помощью ретроспективного, сравнительно-исторического и проблемно-хронологических методов. В научный оборот впервые вводятся исторические сведения о религиозной ситуации в Туве в контексте советской государственно-конфессиональной политики в изучаемый период. В Тувинской автономной области в середине 1950-х гг. среди ее населения происходили религиозные процессы, как и на всем советском правовом и социокультурном пространстве. Тем не менее, представители буддийских общин региона, которые со смешной политического руководства в стране снова подавали в местные органы власти свои регистрационные документы, не получили права официально вести религиозную деятельность. В регионе, как и ранее, на законных основаниях функционировали лишь приходы Русской православной церкви городов Кызыла и Турана. Авторам в настоящей работе удалось частично отразить религиозную ситуацию в Туве в контексте новых политических реалий и государственно-конфессиональных отношений в СССР в середине 1950-х гг.

Ключевые слова: СССР, государственно-конфессиональные отношения, Тувинская автономная область, религиозные общины, буддизм

Для цитирования

Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 211–233. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-11.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University (Barnaul, Russia)

U. P. Bicheldey, A. V. Mongush

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia)

THE POSITION OF BUDDHIST COMMUNITIES IN TUVA IN THE SYSTEM OF STATE-CONFESSİONAL RELATIONS OF THE USSR IN

THE MID-1950s.

In the Soviet Union after the death of I. V. Stalin, changes occurred in the system of state-confessional relations. The state-confessional policy of the studied historical period is characterized by variability, unsystematic, and nonlinearity, as evidenced primarily by the documents of Soviet legislation and archival materials. In general, Khrushchev's policy at this stage was of a moderate atheistic nature when conducting ideological activities in the state. In this regard, the position of religious communities in the country at the time under consideration is considered to be relatively stable. The purpose of this article is to study the position of Buddhist communities in Tuva in the context of the state-confessional policy of the USSR in the mid-1950s. Materials and methods. The source base of the study was regulatory and legal documents and archival materials of the State Archives of the Russian Federation, reflecting the influence of the Soviet state-confessional policy on the Tuva population in the mid-1950s. The study was conducted using retrospective, comparative history and problem-chronological methods. For the first time, historical information about the religious situation in Tuva is introduced into scientific circulation in the context of the Soviet state-confessional policy in the period under study. Results. In the Tuvan Autonomous Region in the mid-1950s, similar religious processes took place among its population as in the entire Soviet legal and socio-cultural space. However, representatives of the Buddhist communities of the region, who, with the change of political leadership in the country, again submitted their registration documents to local authorities, did

not receive the right to officially conduct religious activities. In the region, as before, only the parishes of the Russian Orthodox Church in the cities of Kyzyl and Turan functioned legally. In this work, the authors managed to partially reflect the religious situation in Tuva in the context of new political realities and state-confessional relations in the USSR in the mid-1950s.

Keywords: USSR, state-confessional relations, Tuvan Autonomous Region, religious communities, Buddhism

For citation

Dashkovskiy P. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V. The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s. Nations and religions of Eurasia. 2024. T. 29, № 4. P. 211–233 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-11.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Бичедей Ульяна Павловна, доктор религиоведения (Ph. D.), заведующая сектором религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия). **Адрес для контактов:** opei-ool@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Монгуш Алисия Витальевна, научный сотрудник сектора религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия); аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of the Institute of Humanities of Altai State University, Barnaul (Russia) **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Bicheldey Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious Studies (Ph. D.), Head of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia). **Contact address:** opei-ool@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Mongush Alissiya Vitalyevna, Researcher of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia); postgraduate student (Religious studies), Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>

Введение

Российская историография за последние десятилетия активно пополняется трудами, посвященными истории государственно-конфессиональных отношений в СССР. Особый интерес у исследователей вызывает антирелигиозная кампания 1954–1964 гг., названная именем руководителя СССР Н. С. Хрущева. Данная кампания считается самым жестким периодом и мероприятием по отношению к религиозным обществам в послевоенное время, которую мы условно делим на два периода — 1954–1957 гг. (первый) и 1958–1964 гг. (второй). Следует отметить, что в данной статье рассматривается предшествующий этапу обострения борьбы с религией в стране период с 1954 по 1957 г. Целью данной статьи является исследование положения религиозных общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг., т. е. в первый из двух обозначенных периодов. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, материалы периодической печати, а также архивные источники из Государственного архива Российской Федерации.

Опыт государственного регулирования религиозных процессов в стране и регионе в середине 1950-х гг.

В СССР в послевоенное время в связи с похолоданием политических отношений на мировой арене была свернута относительно благоприятная для религиозных общин государственно-конфессиональная политика, которая наметилась еще в период Великой Отечественной войны с 1943 г. как один из инструментов демонстрации преимуществ социалистического строя и пути развития в целом в противовес капиталистическому [Горбатов, 2008: 145; Шкаровский, 2009: 2; Дашковский, Монгуш, 2023а: 1156]. Направление развития государственно-конфессиональных отношений сменилось в сторону ограничения и контроля религиозных общин по причине ненадобности больше со стороны государства в показательном проявлении лояльного отношения к свободе совести и вероисповедания его граждан. Но затем смерть вождя советского народа И. В. Сталина в 1953 г. вызвала изменения в политической, духовной и других сферах деятельности в советском обществе. В стране наметилась новая волна оживления религиозной жизни [КПСС..., 1985: 428–432; Шкаровский, 1999: 348–349]. Верующая часть советского народа надеялась на либерализацию отношения к религии с приходом нового государственного руководства [Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75].

В Советском Союзе в постсталинское время движение вектора государственно-конфессиональных отношений в сторону жесткого ущемления религиозных прав советских граждан в целом начался еще в середине 1950-х гг. Партийное и советское руководство СССР приоритетным направлением действий в условиях отсутствия четкой схемы передачи высшей политической власти выбрало путь и мероприятия по де-сталинизации и демократизации общества. В данной работе оценка этим процессам не дается, поскольку в исследуемый период им положено лишь начало, но отмечается, что одним из громких их проявлений и результатов стала атеистическая кампания. Антирелигиозное десятилетие (1954–1964 гг.), как известно, в истории в целом названо именем руководителя СССР Н. С. Хрущева — «Хрущевской антирелигиозной кампанией». Изучаемый исторический отрезок времени (1954–1957 гг.) относится к одному из двух этапов хрущевской антирелигиозной политики, а именно к предшеству-

ющему конкретному давлению и натиску государства по отношению к религиозным общинам. Рассмотрим основные особенности реализации государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1950-х гг.

На первом этапе антирелигиозной кампании (1954–1957 гг.) новая власть сосредоточила внимание на вопросе идеологической работы в связи с религиозными «предрассудками» у верующей части населения Советского Союза. Н. С. Хрущев в связи с активным возобновлением и ростом религиозной жизни в стране призвал на всех уровнях партийной государственной системы усилить в стране антирелигиозную агитацию и меры по атеистическому воспитанию. Частичная либерализация государственно-конфессиональных отношений в сталинское послевоенное время привела не только к усилению авторитета и материальной базы религиозных структур в советском обществе, но и в целом росту значения религии в жизни его граждан [Остроухова, 2020: 161]. В Конституции СССР 1936 г. в статье № 124 говорится: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [Конституция СССР, 1936]. Необходимо подчеркнуть, что равное положение религиозной и антирелигиозной деятельности, прописанных в основном законе государства, со сменой правящей группы в стране дало им возможность акцентировать внимание на ее второй части в реализации государственной политики. Непродуманное политическое решение без какой-либо четкой программы началось с выхода Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее улучшения» [КПСС..., 1985: 428–432]. Критике о запущенности атеистической пропаганды подверглись различные государственные организации и общественные организации, что дало мощный импульс для активизации действий против приверженцев религии.

Подавлением оживленной деятельности религиозных объединений и «сект», а также формированием атеистического мировоззрения у населения озадачены были в том числе органы печати, радио, а также образовательные, культурно-просветительские организации и иные учреждения. Тем не менее, верующие граждане со сменой политического руководства в стране вновь с надеждой подавали документы на юридическое оформление и официальное существование своих религиозных обществ и культовых зданий, что формально соответствовало их конституционным правам.

Однако новое постановление спровоцировало негативное отношение и оскорбительные нападки на верующих в советском обществе [Шкаровский, 1999: 350; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75; Дашковский, Зиберт, 2015: 92]. Об этом свидетельствуют архивные материалы и таких буддийских регионов, как Тувинская автономная область и Бурят-Монгольская АССР, рассматриваемые в наших исследованиях неразрывно в связи с расположением единого централизованного духовного центра советских буддистов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 4; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 47, 50, 62–63]. Линия государственно-конфессиональной политики в этом же году прерывается и корректируется Постановлением ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», изданным для нормализации религиозной обстановки в стране [КПСС..., 1985: 446–450]. В правовом до-

кументе осуждалось отсутствие систематической и кропотливой работы по формированию материалистического и атеистического мировоззрения и распространению естественно-научных знаний, использование некомпетентных высказываний оскорбительного и клеветнического характера. Последнее постановление условно стабилизировало государственно-конфессиональные отношения в СССР в исследуемое время. Ревизия сталинского курса реализации государственной политики в области религии в стране на первом этапе кампании «под давлением обстоятельств руководством Н. С. Хрущева была временно отложена» [Остроухова, 2020: 163]. Однако совсем скоро будущий лидер страны Н. С. Хрущев на XX съезде, который проходил в 1956 г., положил начало уже официальному процессу преодолению культа личности И. С. Сталина и консолидации своей власти. Усиление антирелигиозной политики в Советском Союзе на втором этапе (1958–1964 гг.) атеистической кампании намечается, можно сказать, с постепенным укреплением хрущевской власти после данного партийного съезда. Преодоление последствий сталинизма стало главным оружием борьбы за власть, что негативно сказалось и на положение конфессий в стране.

Важно отметить, что на первом этапе хрущевской антирелигиозной кампании период с 1955 по 1957 г. считается относительно либеральным и лояльным по отношению к религиозным обществам и группам в стране, если его рассматривать в сравнительном аспекте со следующим [Горбатов, 2008: 165–166; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75]. В указанное время со стороны государства уменьшились нападки на религиозные общины разных направлений, что не способствовало уменьшению числа обращений граждан с просьбой о регистрации их религиозных общин [Дашковский, Зиберт, 2015: 92]. Кратковременное наступление на религию в 1954 г. в историографии обозначали «небольшой встряской против религии» или «неудавшейся репетицией богоборческого натиска», большая антирелигиозная встряска и богоборческий натиск которого произошли на следующем (втором) этапе (1958–1964 гг.) хрущевской антирелигиозной политики [Горбатов, 2008: 165].

Политическая ситуация в стране напрямую влияла на положение дел в Тувинской автономной области, ставшей частью СССР в 1944 г. Смена верхнего эшелона власти в стране в какой-то мере дала верующим гражданам области веру в перемены в сфере государственно-конфессиональных отношений на центральном и региональном уровнях. Религиозная жизнь в тувинском обществе, активизация которой началась со вступлением региона в советское правовое и социокультурное пространство, продолжалась в рассматриваемое время [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–5]. Тем не менее, в предшествующий период советских государственно-конфессиональных отношений не все религиозные объединения области получили официальное разрешение на беспрепятственное ведение своей деятельности [Дашковский, Монгуш, 2023б: 99; 2023а: 1162–1163].

Государственное регулирование религиозных вопросов в СССР осуществлялось институтом уполномоченного профильных органов при правительстве СССР. Особенностью становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве после ее вхождения в советское правовое пространство являлся кадровый вопрос. В Туве в середине 1950-х гг., как и ранее, все еще не был назначен от-

ветственный специалист за взаимодействие с Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (СМ СССР) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1, 16; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 7–8; Дашковский, Монгуш, 2023а: 96]. Переписка по вопросам религиозной обстановки в регионе, как и прежде, на протяжении исследуемого времени велась уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 1, 2–5, 6, 7–8, 9, 10–11, 12; Ахмадуллин, 2023: 136–137]. Сложность с решением кадрового вопроса на региональном уровне приводила к тому, что делопроизводство документов, связанных с действующими на тот период религиозными общинами, не велось системно и упорядоченно.

Следует отметить, что после добровольного акта вхождения Тувы в состав СССР на территории нового советского региона в послевоенное время официальную регистрацию на беспрепятственное существование получили православные общины городов Кызыла и Турана. Буддийской общине в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского кожууна (района), старообрядческой общине поселка Медведевка в Кая-Хемском кожууне и протестантской общине Кызыла не удалось путем подачи ходатайств в соответствующие инстанции зарегистрировать свои религиозные общества [Дашковский, Монгуш, 2023б: 99; 2023а: 1162–1163]. Кроме этого, в регионе действовали старообрядческие объединения и группы в Кая-Хемском, частично Тоджинском и Тес-Хемском кожуунах. Соответственно, региональный уполномоченный в рассматриваемое время был ответствен за взаимодействие с религиозными общинами буддийского, протестантского и православного, включая старообрядческий, направлений.

Запросы верующих граждан области на регистрацию религиозных общин ранее не удовлетворялись местной властью по причине несоответствия советскому законодательству их культовых зданий в противопожарном и санитарном отношении [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 9; Дашковский, Монгуш, 2023б: 98]. Отметим, что на первом этапе хрущевской антирелигиозной политики незарегистрированным конфессиональным образованиям не удалось получить официального разрешения на ведение религиозной деятельности [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–5]. Поводом для отказа в постановке на учет их религиозных объектов в исследуемый период служили советское законодательство и специальные требования, нормы для культовых объектов в инструкциях для уполномоченных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 3].

Верующие Тувинской автономной области после выхода антирелигиозного постановления от 7 июля 1954 г. подвергались, как и по всей стране, оскорблением [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 4]. В 1954 г. в Туве отмечался 10-летний юбилей вхождения региона в Советский Союз. В материалах региональной печатной периодики в связи с этим, наряду с призывами об ускоренном социалистическом развитии и вхождении в светлое коммунистическое общество, внимание тувинских жителей обращается и на атеистическую пропаганду и научно-материалистическое восприятие мира [Тувинская правда 1954б, в, е, ж; Шын 1954а, б; Монгуш, 2022].

Религиозные общины Тувы, несмотря на принятые в стране антирелигиозные постановления, подавали документы на ведение законной культовой деятельности. В то же время в исследуемый период в регионе не было случая регистрации уполномоченным

какого-либо религиозного объединения и его культового объекта. С 1955 по 1957 г. в Туве, как и по всей стране, в религиозной жизни наступает время условного затишья в связи с борьбой за единоличную власть и, в целом, перед ужесточением Н. С. Хрущевым государственно-конфессиональной политики.

Буддийские общины в контексте атеистической кампании в середине 1950-х гг.

Новый виток государственно-конфессиональных отношений в СССР в постсталинское время начался с выхода Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее улучшения» [КПСС..., 1985: 428–432]. Его антирелигиозные установки напрямую коснулись положения религиозных общин Тувинской автономной области в середине 1950-х гг. Рассмотрим более подробно положение буддийских общин региона в контексте реализации первого этапа хрущевской антирелигиозной кампании в Советском Союзе.

Следует отметить, что буддийскому духовенству на территории Западной Тувы в конце послевоенного десятилетия не удалось организовать для религиозных нужд общин официальную деятельность их культового объекта в виде юрты в местностях Адар-Тош и Бора-Хол Оруу [Дашковский, Монгуш, 2023а: 1160]. Ранее мы не учили полное название местности в архивном документе — «Бора-Хол оруу деспек кыры», что дословно с тувинского языка на русский переводится как «На возвышенном месте по дороге в Бора-Хол». Причиной поиска верующими нового места расположения послужила отведение занимаемой ими территории в Кызыл-Чыраа под строительство Госконюшни [Дашковский, Монгуш, 2023а: 1160]. Мотивы отказа предоставить верующим новый постоянный земельный участок и разрешение на строительства на нем капитального здания храма, местные чиновники сводили к двум причинам: либо земля определяется как колхозная, либо она вовсе не относится к Госфонду [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 587. Л. 33–34; Дашковский, Монгуш, 2023а: 1160]. Буддисты все же решили воздвигнуть деревянное культовое здание на ранее занимаемом ими месте, но, к сожалению, и этого им тоже не удалось сделать [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 3]. Однако наличие полноценного стационарного храма по установленным нормативам было одним из главных требований для регистрации буддийской общины и ее духовенства [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43].

В исследуемый период аналогичные процессы, связанные с земельным вопросом, происходили и в Бурят-Монгольской АССР. К примеру, руководство Совета Министров Бурят-Монгольской АССР через своего регионального уполномоченного Д. Линхобоева вело безрезультатные переговоры с XVII Пандидо Хамбо ламой А-Н. Дармаевым о передаче Хамбинскому суме здания бывшего Гусино-Озерского дацана с условием его восстановления за счет средств ЦДУБ СССР. Здесь важно отметить, что и в рассматриваемое время Советский Союз активно посещали делегации религиозных организаций разных стран, в том числе буддийские [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 8–26]. Визиты совершались ими преимущественно с целью ознакомления с положением дел, связанных с религией и реализацией конституционных прав верующих в Советском государстве. Председатель буддийской централизованной религиозной организации СССР не согласился с данным предложением государства. Поводом для его отказа послужило то, что дацан оказался в рабочем поселке. Кроме этого, А-Н. Дармаев заявил

о том, что буддийские храмы должны располагаться на просторных местах, т. е. подальше от населенных пунктов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 36].

В начале 1954 г. умер духовный лидер буддистов Тувинской автономной области, который являлся одним из заместителей председателя ЦДУБ СССР в сане Дид хамбо-лама Амыртаа Хомушку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 3]. Его заместителем и ламой, который при жизни всячески прилагал усилия по регистрации буддийской общины, является Чамдылай Тюлюш. Известно, что он еще в конце 1940-х гг. был избран председателем Совета молитвенной юрты [Опей-оол, 2007: 73]. После смерти Амыртаа Хомушку он, как и прежде, продолжил усиленно ходатайствовать о регистрации войлочного храма. В информационном отчете за 1954 г. отмечается, что в буддийском центре шла борьба за должность верховного ламы всех буддистов Тувы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 4].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области С. Шома, который только что был назначен на эту должность, в 1954 г. провел обследование положения дел в буддийском центре региона [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–5]. Он установил, что в Кызыл-Чыраа при храм-юрте насчитывалось 15 человек (лам), а рядом с ней без официального разрешения построены четыре деревянных дома размерами 3х3 м. При этом на территории войлочного храма, оборудованного религиозным убранством и атрибутикой, проживали 7 священнослужителей. Кроме этого, буддисты без согласия государства на вырубку деревьев и выделения нового земельного участка вывезли из тайги на территорию Госконюшни 250 концов леса для строительства храма [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3]. При этом часть материалов оставались в заготовленном виде в тайге [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 28].

За отчетный период этого же года буддийское духовенство все же обращалось с заявлением о строительстве деревянного культового здания, но уполномоченный, руководствуясь инструкцией Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, отказал им в их просьбе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 27]. Причиной отказа в удовлетворении заявления служили, во-первых, предоставили только список из 10 лам (в религиозном чине хелин — 6 человек; кечил — один человек, кенен — три человека) вместо 20 ходатайствующих лиц, требуемых по законодательству. В аргументации отказа улавливается упрек в том, что духовные лица могли, если уж хотят добиться разрешения на строительство храма, перечислить имена и десяти верующих общин [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 20, 27]. Во-вторых, отсутствие проекта и сметы будущего религиозного сооружения. В-третьих, отмечалось, что умер глава буддистов области Амыртаа Хомушку, поэтому для решения столь важного вопроса общины нет нового официального настоятеля-ставленника и разрешения на строительство стационарного культового здания их руководящего органа — ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 27]. 9 августа 1954 г. председатель Совета по делам религиозных культов при СМ СССР И. В. Полянский дал четкие указания своему региональному уполномоченному в Туве С. Шома о том, что назначение нового руководителя незарегистрированной общины не должно состояться, поскольку ЦДУБ СССР (в период нового расклада политической ситуации в стране и нового курса религиозной политики) руководит лишь деятельностью офи-

циально зарегистрированных буддийских объединений и их служителей культа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 28].

Исходя из имеющихся данных можно сделать вывод, что, с одной стороны, местная власть в исследуемый период, как и прежде, не была заинтересована в официальной регистрации буддийской общины, хотя при большом желании и ходатайстве чиновников можно было признать ее юрту культовым объектом в виде исключения. Более того, буддисты с выделением им земельного участка могли построить и стационарный храм в Кызыл-Чыраа по опыту православных верующих Кызыла в сталинское послевоенное время [Дашковский, Монгуш, 2023б: 98]. С другой стороны, во многом действия региональных чиновников зависели от указаний Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, который, в свою очередь, действовал в соответствии с политической конъюнктурой в Москве.

Июльское постановление 1954 г. вызвало в Туве, как и по всей стране, антирелигиозное наступление на приверженцев религии, в том числе с помощью работников СМИ. В местной прессе начали активно выходить публикации против религии вплоть до принятия ноябрьского правового документа, в котором говорилось о недопущении в рамках атеистической пропаганды оскорблений и нападок на верующих людей в советском обществе. В Тувинской области в региональных газетах «Тувинская правда» и «Шын» («Правда») с июля и до ноября 1954 г. выходят статьи под заголовками «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду», «Наука и религия», «Происхождение и реакционная сущность религиозных праздников», «Шажын номнаалынын реаксылыг утказы» — «Реакционная сущность буддийского учения», «Христиан шажыннын тывыылганы болгаш ангы талазы-бile утка-шынары» — «Происхождение и классовая сущность христианства» и т.д. [Тувинская правда 1954б, в, е, ж; Шын 1954а, б; Монгуш, 2022]. На основе анализа газетных публикаций можно заключить, что в 1954 г. в Тувинской автономной области, когда в регионе праздновалось 10-летие ее образования, упор делался на общесоюзный подъем всенародного хозяйства [Тувинская правда 1954а]. Равнение области на социально-экономическую реальность Советского Союза местная коммунистическая власть видела в успешном выполнении плановых заданий и их перевыполнении. Во всей области происходила трудовая мобилизация населения, но вместе с тем на него шло целенаправленное воздействие по выработке атеистического мировоззрения преимущественно через материалы периодической печати. Вчерашие скотоводы-кочевники, как отмечают исследователи, сменили кочевой образ жизни на оседлый, а традиционное мировоззрение — на марксистско-ленинскую идеологию [Монгуш, 2001: 121]. Однако анализ материалов по проведению антирелигиозных кампаний в истории СССР и ряда других стран показывает, что в полной мере успешен этот процесс не был завершен. Примером является и государственно-конфессиональная политика Тувинской Народной Республики, в результате которой не удалось уничтожить на корню приверженность ее населения традиционным ценностям и религиозным представлениям. В советском правовом пространстве верующие региона начали действия по возрождению своих конфессий [Дашковский, Монгуш, 2023б: 96–100]. В условиях новой реальности религиозные общины Тувинской автономной области добивались официального вероисповедания и отправления культовых обрядов.

Антирелигиозное постановление от 7 июля 1954 г. региональная власть восприняла как оружие, используемое при непримиримой борьбе с «пережитками» феодального прошлого. Коммунисты области считали, что буддийские духовные деятели лишь одурманивали сознание трудящихся. В унисон с их мнением в газете «Тувинская правда» вышла статья «О коммунистической морали», где внимание читателей акцентировалось и на том, что в советском обществе, стремящемся к светлому будущему, необходима коллективная собственность и единство всех граждан. В тексте данной публикации отмечалось, что бывшие элементы господствующих эксплуататорских классов широко использовали свою мораль — религию [Тувинская правда, 1954 г]. В тексте статьи их человеконенавистнической сущностью указывалось правило «Каждый за себя, один бог за всех», что не соответствовало идеалам коммунистического общественного строя. Согласно советской идеологии достижение светлого будущего возможно было благодаря трудящимся в социалистическом государстве. К примеру, в регионе власть указывала на недостатки работы парторганизации колхоза «Ленинский путь» в агитационно-массовой деятельности, что в итоге его работники Буду, Сырдан и другие, согласно критике и заключению коммунистов области того времени, не показывали успехов в труде. И данную ситуацию «усугубляло» то, что они подпали под влияние бывшего ламы Киндирмы, который своими действиями пытался «подорвать» колхоз [Тувинская правда, 1954 д]. Публикации подобного характера были нацелены на формирование негативного отношения трудового населения к буддистам и их духовенству.

Важно обратить внимание на то, что Тувинской области, по мнению руководства региона, для ее развития и подъема мешали и религиозные праздники, и обряды, которые наносили ущерб советскому коллективному хозяйству. Праздники и обряды, как отмечает лектор Тувинского обкома КПСС Ф. Кузьмин, отвлекали население региона от выполнения неотложных работ в сельском хозяйстве, поскольку совпадали по времени, к примеру, с периодом пахоты, сева, сенокоса и уборки урожая. Религиозные традиции, по его мнению, расхолаживали трудящихся тем, что они «сопровождаются обычно разгулом и пьянством» [Тувинская правда 1954 в]. Он же в другой публикации отмечал, что к своему десятилетию Тувинская автономная область пришла к серьезным достижениям в развитии экономики и культуры, но вместе с тем буддизм и шаманизм не полностью искоренены из сознания ее жителей. Из его статей известны случаи поклонения тувинцев святым местам «овва», установленным на перевалах гор, и целебным источникам, а также деревьям «хам-ыяш» — «дерево-шаман» [Тувинская правда, 1954е]. Подобные нарушения советского законодательства наблюдались у жителей Тоджинского, Сут-Хольского, Чая-Хольского и других районов области. Кроме этого, нельзя не отметить и проведение ими тайно и немассово обрядов освещения объектов природы «дагылга», которые все же имели место после вступления в состав советского государства. На этих местах духам-хозяевам подносили конский хвост, лоскутки материи и остатки (первинки) пищи [Тувинская правда, 1954з].

Аналогичные процессы происходили и в других сибирских регионах. Так, верующие Бурят-Монгольской АССР в период антирелигиозной кампании личные недостатки, ошибки и просчеты видели в деятельности председателя ЦДУБ СССР XVII Пандида хамбо-ламе Л-Н. Дармаеве. Обвинения в итоге сыграют свою роль в деле смеще-

ния его государством с занимаемой должности. В докладной записке приводились жалобы со стороны некоторых лам и мирян «на его грубость, деспотический характер, употребление водки, сожительство с женщиной, бездействие в вопросе увеличения количества лам и храмов, а также непринятие им мер по восстановлению состава духовного управления и ревизионной комиссии» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 47, 50, 62–63]. Кроме этого, в регионе, к примеру, за участие в молебствиях и обрядах «обо» ламы Содбоева на партийном собрании обсуждали и осуждали одного ветеринарного фельдшера колхоза «Коммунизм» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 6].

Верующими Бурят-Монголии отмечались и такие буддийские праздники, как Дунхор, Майдари хурал, Зула хурал и др. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 3.; Оп. 3. Д. 547. Л. 7]. В целом, восстановление религиозных институтов в послевоенный период в стране способствовало увеличению количества верующих и их культовых обрядов [Горбатов, 2008: 362].

Следовательно, в связи с выходом антирелигиозного постановления от 7 июля 1954 г., в котором содержалась критика неэффективности советской пропаганды в стране, в Туве, можно сказать, работниками партийно-советских и иных учреждений, а также со стороны общественности была организована деятельность против распространения религиозной идеологии и возрождения религиозных институций. На региональном уровне оживившуюся религиозную деятельность верующих подавляли путем целенаправленного воздействия на население и через СМИ. Формирование антирелигиозного мировоззрения у жителей области шло преимущественно через местные газеты «Шын» и «Тувинская правда». В регионе полным ходом была запущена атеистическая кампания, которая разворачивалась в Советском Союзе.

Однако в том же 1954 г. не укрепившая свои позиции новая власть страны из-за по-всеместного резкого и негативного отношения к верующим гражданам вносит корректизы в советское законодательство и тем самым меняет ситуацию в регионах. ЦК КПСС 10 ноября 1954 г. принял новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды», где осуждались грубое отношение к подверженным религии людям и оскорбления в их адрес. Данное постановление в Тувинской области было опубликовано 19 ноября 1954 г. в газете «Тувинская правда» под номером 231 [Монгуш, 2022: 58]. Это постановление приостановило нарастание антирелигиозного напряжения среди местного населения. Тем не менее, в информационном отчете за 1954 г. отмечается, что в тувинском обществе усиливалась научно-атеистическая и воспитательная работа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Ф. 3. Д. 589. Л. 4–5].

Для сравнения отметим, что в Бурят-Монголии уполномоченному Совета по делам религиозных культов при СМ СССР Д. Линхобоеву приходилось даже на основе советского законодательства проводить разъяснительные беседы, чтобы чиновники на местах не препятствовали верующим исполнять религиозные обряды на дому (крещение, венчание, исповедь причащение, похороны и прочее) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 35]. Обороты атеистической кампании, развернутой с выходом постановления от 7 июля 1954 г., на региональном уровне снижали даже таким образом. Несмотря на это, священнослужители предупреждали о запрете в стране проведения публичных богослужений и миссионерской деятельности. В самом тексте Ноябрьского постановления отмечалась недопустимость сравнения положения церкви в стране социализма

с положением церкви в эксплуататорском обществе. В нем по поводу оскорблений в регионах духовных лидеров отмечалось, что даже в капиталистическом обществе на сегодняшний день отдельные церковнослужители «по ряду вопросов политики могут переходить и переходят на точку зрения трудящихся» [КПСС..., 1985: 448].

В 1956 г. Советом по делам религиозных культов при СМ СССР изучался вопрос замены главы буддийского культа в СССР Л-Н. Дармаева кандидатурой другого священнослужителя, более соответствующего для этой роли [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. со-ображения Л. 29, 32, 47]. Профильный государственный орган указывал местной власти предоставить свои соображения по этому поводу не позднее 10 июля 1956 г. Следует отметить, что Советский Союз на международной арене наметил расширение связей с буддийскими странами Юго-Восточной Азии [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 29]. Его вновь, как и в сталинское послевоенное время, интересовал единый духовный центр советских буддистов, положение дел в котором необходимо было представить в лучшем виде. В составе ЦДУБ СССР на тот момент из 7 членов остался только один его председатель. В октябре 1956 г. председателем ЦДУБ СССР выбран новоизбранный XVIII Пандидо Хамбо лама Еши-Доржи Шарапов, в деятельности которого было заинтересовано государство в связи с дипломатической целью на международной арене. Действительно, за период своей деятельности на посту председателя он установил связи с буддийскими религиозными организациями Индии, Японии, Непала, Шри-Ланки, Камбоджи, Бирмы.

II Все буддийский съезд СССР послевоенного времени (это было четвертое собрание буддистов в советское время) имел ограниченный характер, поскольку не было той масштабной подготовки, как ранее [Монгуш, 2023: 459]. Мероприятие можно назвать Собранием лам Иволгинского и Агинского дацанов и верующих Бурят-Монгольской АССР и Читинской области. Расширить состав участников съезда государство не посчитало нужным. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в этом важном для советских буддистов событии не участвовали делегаты, к примеру, из Тувинской и Иркутской областей, как это было 10 лет назад [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 48-51, 52-55, 56-57, 58-66, 68-76].

Во II (IV) Все буддийском соборе XVII Пандидо Хамбо-лама Л-Н Дармаев подвергся критике за неэффективность его деятельности [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. Л. 64-65]. Хотя следует отметить, что во время богослужений и проповедей Л-Н. Дармаев произносил обращение ко всем буддистам мира о восстановлении взаимной связи в целях укрепления мира [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. 31]. Он прилагал неоднократные усилия для регистрации и буддийской общины, и ее молитвенной юрты в Тувинской автономной области [Дашковский, Монгуш, 2023а]. На настроение буддийского сообщества в регионе, по нашему мнению, особенно повлияло антирелигиозное советское законодательство постсталинского времени и вмешательство государства в религиозную жизнь в целом. Имело место влияние преклонного возраста Л-Н. Дармаева и неудовлетворительное состояние его здоровья, о котором тоже говорилось на буддийском съезде. Но главная причина его устранения все же, на наш взгляд, заключалась в том, что он открыто выражал свое недовольство двойственностью и неоднозначностью политики советского государства. Многие начинания Л-Н. Дармаева и его деятельность в целом для возрождения буддизма в стране не находили поддержки у Совета по делам рели-

гиозных культов при СМ СССР. Замена руководителя ЦДУБ СССР Л.Н. Дармаева кандидатурой другого священнослужителя была необходима для создания благоприятной обстановки в стране при визите делегаций из буддийских стран Азии.

В 1957 г. ламы Тувинской автономной области отправили приглашение председателю ЦДУБ СССР XVIII Пандидо хамбо-ламе Е-Д. Шарапову посетить Туву со сроком на 10–15 дней для знакомства с положением религиозных дел на месте. В связи с этим он просил государство оказать ему содействие в данной поездке, в чем он тогда получил утвердительный ответ [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 34]. К этому времени ситуация в области государственно-конфессиональных отношений в стране вновь условно нормализовалась. Поводом обращения тувинского буддийского духовенства к Е-Д. Шарапову послужили, согласно отчетному документу самого председателя буддийской религиозной организации, отказы райисполкома, облисполкома в строительстве деревянного помещения под храм, хотя чиновники сами на этом изначально настаивали [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43]. Когда буддисты по их рекомендации своими силами произвели заготовку леса, то чиновники выдвинули повторное предложение: вначале получить у них разрешение на строительство храма, а затем потребовали добиться соответствующего официального документа и регистрационных процедур в целом в своем высшем централизованном органе — ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43]. Эти действия лишний раз доказывали, что местная власть своими непоследовательными рекомендациями и действиями всячески препятствовала буддийской общине реализовать свое конституционное право на свободное вероисповедание и даже таким образом подрывала ее финансовое положение. Безусловно, их решения основывались на переменчивых и неоднозначных рекомендациях и указаниях Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в связи с нелинейным курсом национальной политики советского государства в области религии. Ламы области на тот момент и без того были обременены налоговыми и трудовыми обязательствами в советском правовом пространстве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43; Дашковский, Монгуш, 2023: 1159].

Представители ЦДУБ СССР во главе с Е-Д. Шараповым прибыли в город Чадан нольью 29 августа 1957 г. и пребывали в местности Кызыл-Чыраа в течение четырех дней. Гости обсуждали с ламами важные вопросы и даже принимали участие в их молебствах, проводимых в храме-юрте [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92–93]. Верующие области просили Е-Д. Шарапова помочь им зарегистрировать буддийскую общину и ее лам для ведения официальной деятельности в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. Из информационного отчета известно, что по состоянию на 1957 г. в буддийском центре было уже 7 войлочных юрт и 6 деревянных, обмазанных глиной избушек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42].

Исходя из этого, можно констатировать, что за 1955–1957 гг. при молитвенной юрте в местности Кызыл-Чыраа буддисты поставили дополнительные жилища. Материалы для строительства деревянного храма по-прежнему хранились на этой территории. Стационарный храм планировали построить, согласно докладной записке 1954 г., размером 10x10 м [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 27].

Следует рассмотреть в сравнительном анализе количественные показатели лам и верующих в буддийском центре в исследуемый период, что наглядно отражено в таблице 1.

Таблица 1

**Сведения о деятельности буддийского центра в Кызыл-Чыраа
в количественных показателях***

Table 1

**Information about the activities of the Buddhist center in Kyzyl-Chyraa
in quantitative terms**

Названия показателей	1954 г.	1957 г.
Наличие при молитвенной юрте лам	15 лам	19 лам
Посещаемость своеобразного культового объекта в день	Нет данных	3–5–10 человек
В установленных молебствиях храм-юрты	Нет данных	70–100 человек

*Составлено по: [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43].

Comp by: [GA RF. F. R-6991. Op. 3. D. 589. LL. 2–3; GA RF. F. R-6991. Op. 3. D. 547. Ll. 42–43].

Согласно данным таблицы 1, если в начале первого этапа антирелигиозной кампании в 1954 г. региональный уполномоченный С. Шома установил наличие при молитвенной юрте 15 лам, из которых 7 священнослужителей постоянно в ней жили, то через два-три года количественные данные меняются в сторону небольшого увеличения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2]. По сведениям председателя ЦДУБ СССР Е-Д. Шарапова в буддийском центре в 1957 г. значилось уже 19 лам, но, правда, из них были только 12 священнослужителей, а остальные отсутствовали на момент его приезда [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43]. Посещаемость культового объекта — от трех до десяти человек в день, а в периоды установленных молебствий — 70–100 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43].

Таблица 2

**Возрастной состав буддийского духовенства молитвенной юрты
в местности Кызыл-Чыраа***

Table 2

The age structure of the Buddhist clergy of the prayer yurt in the area Kyzyl-Chyraa

Возраст лам	1954 г.	1957 г.
41 до 50 лет	0	3
51 до 60 лет	6	8
61–70 лет	0	5
72–74 лет	1	3
Итого:	7	19

*Составлено по: [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43].

Comp. by: [GA RF. F. R-6991. Oop. 3. D. 589. LL. 2–3; GA RF. F. R-6991. Oop. 3. D. 547. Ll. 42–43].

Таблица 2 дает важные сведения о возрастном составе духовенства буддийской общины в местности Кызыл-Чыраа. В 1954 г. на момент визита уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР С. Шома из числа постоянно проживающих в молитвенной юрте лам в возрасте от 51 года до 60 лет было 6 человек, в возрасте 72–74 лет — один человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3]. В период пребывания делегации из Улан-Удэ: от 41 года до 50 лет — 3 чел., 51 года до 60 лет — 8 чел., 61–70 лет — 5 чел., 72–74 года — 3 чел. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42]. Незначительный рост количественных показателей построек и священнослужителей в общинах является следствием и результатом относительной стабилизации религиозной ситуации как в стране в целом, так и в регионе на конец первого периода хрущевской антирелигиозной политики.

Весьма интересным фактом является и то, что у буддистов в 1957 г. не было избранных руководящих лиц, но их идейными руководителями указывались два ламы, которые почиталась духовенством молитвенной юрты [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43]. С началом функционирования буддийского центра в местность Кызыл-Чыраа со всей области съехались имевшие еще с периода Тувинской Народной Республики высокий сан и авторитет священнослужители. Их имена в архивном документе указываются как Чултуммонцок (Чульдум-Мунзук) и Чултум-Лубсан (Чульдум-Лобсан). Чамдылай Тюлюш не указывается наставителем молитвенной юрты в отчетном документе Пандидо хамбо-ламы Е-Д. Шарапова, но говорится, что его не было при молитвенной юрте во время пребывания делегации из ЦДУБ СССР. Имеется лишь сведение о том, что на тот момент он занимался лечением народа с помощью тибетской медицины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44].

Чамдылай Тюлюш среди тувинского населения активно вел проповедническую деятельность и лечил людей *аржаном* (водой целебного источника). Для этих целей вначале он соорудил возле молитвенной юрты деревянную ванну, а затем такую же установил в другом месте. Он поселился в 23 км от Чадана и объявил целебным ключ Кегээн-Булак [Опей-оол, 2007: 73]. Данный факт также демонстрирует относительно лояльное отношение советского государства к верующим на региональном уровне. В стране не препятствовали в полной мере священнослужителям исполнять религиозные обряды, даже имели место случаи, к примеру, распространения народной и тибетской медицины, а также паломничества в святые места. Возможно, и по этой причине настоятеля молитвенной юрты не было на встречах с гостями и о нем не было речи в официальной отчетной документации, поскольку данная деятельность не поощрялась государством. Это обстоятельство могло повлиять на исход событий, связанных с регистрацией общины. Допускаем и иные мнения об этом факте, которые требуют дальнейшей проработки и осмыслиения. Во всяком случае, высокопоставленные гости из Улан-Удэ предупредили присутствовавших лам области, из числа которых ни один служитель культа не имел официальной регистрации, о запрещенной советским законодательством религиозной деятельности. Объяснению подлежали и «вымогательства» за проведение религиозных обрядов и треб [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. Вместе с тем в Бурят-Монголии даже зарегистрированные ламы, закрепленные за определенными аймаками (районами), в начале антирелигиозной кампании 1954 г. обвиня-

лись в системном ведении идеологической работы среди верующих, а также обогащении священнослужителей путем общих и личных доходов, собираемых с них [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 243].

Следует подчеркнуть, что в Тувинской автономной области при деятельности Чамдылая Тюлюша ламы из храма-юрты не разъезжались по своим родным местам жительства, что имело место при его предшественнике, а постоянно находились в буддийском центре [Опей-оол, 2007: 72; Хомушку, 1988: 24]. Кроме этого, число верующих при молитвенной юрте увеличивается за счет молодежи и даже представителей сельской интеллигенции, что напрямую влияло на доходы общины не только для содержания лам, а преимущественно для строительства стационарного храма [Опей-оол, 2007: 73; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2].

Видя грамотные действия Чамдылая Тюлюша по пропаганде буддизма, коммунистическая власть начала провоцировать возмущение населения действиями известного ламы [Опей-оол, 2007: 73]. Тувинский обком КПСС и Тувинский облисполком в исследуемый период боролись с буддизмом, составлявшим духовную основу тувинского общества в течение длительного времени [Харунова, 2011: 108]. Для этого в регионе усиливалось проведение атеистических мероприятий со стороны партийных, комсомольских и советских организаций, особенно там, где находились очаги распространения религиозной идеологии и пропаганда, включая Дзун-Хемчикский район [ГА РФ. Ф. Р-6991. Ф. 3. Д. 588. Л. 21, 28; ГА РФ. Ф. Р-6991. Ф. 3. Д. 589. Л. 4–5]. В Сибири население, особенно та его часть, которая проживала в селе и вела традиционный уклад жизни, плохо поддавалось антирелигиозной пропаганде, поскольку «отожествляли свою культуру с ламаизмом, воспринимая его как естественную данность» [Горбатов, 2008: 359].

Председатель ЦДУБ СССР Е-Д. Шарапов при отъезде, согласно общей договоренности между двумя заинтересованными сторонами, забрал в Улан-Удэ двух представителей из молитвенной юрты с целью ускорения процедуры ее регистрации и курирования деятельности буддийской общины Тувинской автономной области в целом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. Единый духовный центр советских буддистов в конце 1957 г. ходатайствовал в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР о регистрации войлочного храма Тувинской автономной области в виде исключения, существующего с 1946 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. На этой ноте завершилось продвижение процедуры возможной официальной регистрации буддийской общины и ее молитвенной юрты в местности Кызыл-Чыраа на первом этапе (1954–1957 гг.) хрущевской антирелигиозной политики. Вместе с тем архивные документы исследуемого времени подтверждают факт того, что мотивом отказа в официальной регистрации религиозного объединения, как и ранее, являлась боязнь местной власти усиления религиозного влияния лам на население [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93; Дацковский, Монгуш: 2023а; 2023б]. Следовательно, региональные властные структуры в целях недопущения легализации лам области всячески отказывала в регистрации общины с целью окончательного прекращения ее деятельности [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92–93].

Подводя итоги, отметим, что успехом буддистов Тувинской автономной области в исследуемый период был приезд в Туву по приглашению лам делегации ЦДУБ СССР из Бурят-Монголии во главе с его председателем XVIII Пандидо хамбо-ламой Е-Д. Ша-

раповым. Перспективой для скорого решения вопроса регистрации войлочного храма и строительства деревянного культового здания обе стороны определили в отборе и назначении лам, ответственных за взаимодействие с центральным органом и курирование деятельности буддийских общин области в целом. Тем не менее, мы не склонны доверять тому, что в буддийском центре шла борьба за главенство буддистов Тувы, поскольку данный факт приводился уполномоченным области для демонстрации правильности и поддержки курса государственно-конфессиональной политики страны и в связи с этим деятельности региональной власти в исследуемый период.

Заключение

Таким образом, после смерти И. В. Сталина религиозный вектор национальной политики СССР получает новое развитие в ходе конкуренции за высшую власть и управление страной группой лиц, которые вышли на политическую арену как ее лидеры-руководители. На фоне идеи о десталинизации и демократизации общества положено начало борьбы государства с религиозными объединениями и их духовенством, которая не имела осмысленной программы и системы. На начальном (первом) этапе (1954–1957 гг.) хрущевской кампании новые постановления не привели к ожидаемым результатам руководства страны, поскольку религиозная жизнь продолжалась среди ее верующих граждан. В целом, советское государство проявляло относительно лояльное отношение к религии в политических реалиях исследуемого времени.

В Тувинской автономной области, как и в других советских регионах, в связи с новым законодательством происходило временное нарастание определенной напряженности государственно-конфессиональных отношений и антирелигиозных настроений в обществе. С 1954 г. в Туве, как и в других советских регионах, фиксировалось грубое отношение к религиозным людям, но затем накал отношений и наступательных мер в тувинском обществе спал. Атеистическая пропаганда затем делает упор в регионе на формирование у тувинского населения научного взгляда на мир и коммунистического воспитания в целом наряду с агитацией на позитивные социально-экономические и культурно-просветительские преобразования в ускоренном и массовом темпе. Местная власть прилагала усилия для развития дальнейших интеграционных и трансформационных процессов в регионе.

В целом первый этап хрущевской политики в Туве носит умеренный атеистический характер при проведении идеологических мероприятий. В исследуемый период положение буддийских общин было таким, что поставить на регистрационный учет свою молитвенную юрту они не смогли, но их культовый объект функционировал нелегально. Как и прежде, буддистам не удалось получить права официально вести религиозную деятельность. В регионе все еще шел процесс становления советской системы государственного контроля за религиозными процессами, поскольку все еще не был решен кадровый вопрос с назначением постоянных уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. В связи с этим не было наложено систематическое ведение делопроизводственных документов, связанных с государственно-конфессиональными отношениями, на региональном уровне. Верующая часть населения Тувинской автономной области проводила религиозные праздники, обряды и посещала святые места. Государ-

ственno-конфессиональные отношения в области в середине 1950-х гг. остаются относительно стабильными, если сравнивать их с последующим (вторым) этапом (1958–1964 гг.) антирелигиозной кампании, который требует отдельного изучения.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments and funding

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The impact of the Imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахмадуллин В.А. Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962) // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 125–140.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. 546.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 549.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588.

Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. 408 с.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 75–83.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Особенности государственной регистрации религиозных объединений в середине 1950-х — начале 1980-х гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 90–97.

Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Oriental Studies. 2023а. 16 (5) С. 1152–1166

Дашковский П. К., Монгуш А. В. Начальный этап становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в середине 1940-х гг.: к постановке проблемы // Этнические меньшинства в истории России : материалы IV Международной научной конференции, 27–28 октября 2023 г. СПб. : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2023б. С. 94–100.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Изд-во политической литературы, 1985. Т. 8. 535 с.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ. НПП «Гарант-сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.08.2024).

Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука, 2001. 200 с.

Монгуш А. В. Антирелигиозная пропаганда в СМИ в Туве в 1954–1964 гг. (на примере материалов региональных газет «Тувинская правда» и «Шын») // Религия и общество — 16. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. С. 57–60.

Монгуш А. В. К вопросу участия тувинских делегатов-лам на Совещании буддийских духовных деятелей СССР в 1946 г. // Сибирь и Россия: история и культура : материалы X Международного Сибирского исторического форума. М. : Пере, 2023. С. 458–462.

Опей-оол У. П. К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы : сб. науч. ст. к 80-летию В. П. Дьяконовой. Кызыл : Тываполиграф, 2007. С. 69–80.

Остроухова Н. В. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // История. Политология. 2020. Т. 47, № 1. С. 160–169.

Тувинская правда 1954а — Выше уровень культурно-просветительской работы на селе // Тувинская Правда. 1954. № 137 (3141). С. 1.

Тувинская правда 1954б — Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду // Тувинская правда. 1954. № 150 (3154). С. 2.

Тувинская правда 1954 в. — Происхождение и реакционная сущность религиозных праздников // Тувинская правда. 1954. № 159 (3163). С. 3.

Тувинская правда 1954г — О коммунистической морали // Тувинская правда. 1954. № 173 (3177). С. 2.

Тувинская правда 1954д — Работа с людьми — главное в деятельности парторганизации // Тувинская правда. № 212 (3216). С. 2.

Тувинская правда 1954е — Шаманизм и ламаизм, их происхождение и реакционная сущность // Тувинская правда. 1954. № 214 (3218). С. 3.

Тувинская правда 1954ж — Медицина в борьбе с суевериями и знахарством // Тувинская правда 1954. № 220 (3224). С. 4.

Тувинская правда 1954з — IV Пленум Тувинского обкома КПСС // Тувинская правда. № 223 (3227). С. 2.

Харунова М. М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.

Хомушку О. М. Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: Научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 г.). М. : Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей церковной истории, 1999. 423 с.

Шкаровский М. В. Стalinская религиозная политика и Русская православная церковь в 1943–1953 гг. // ACTA SLAVICA IAPONICA. 2009. Т. 27. С. 1–27.

Шын 1954а — Эртем-атеистиг пропаганданы калбартыр // Шын. 1954. № 177 (3114). С. 1 (на тув. яз.).

Шын 1954б — Христиан шажыннын тывылганы болгаш ангы талазы-бile утка-шынары // Шын. 1954. № 248 (3185) (начало). С. 3., № 249 (3186) (продолжение). С. 3–4 (на тув. яз.).

REFERENCES

Akhmadullin V.A. Deiatel'nost' Soveta po delam religioznykh kul'tov v Tuve (1944–1962) [The activities of the Council for Religious Cults Affairs in Tuva (1944–1962)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2. P. 125–140 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.9>

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 546 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 547 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 548 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 548 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 587 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 588 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 549 (in Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940–1960-e gody* [The state and religious organizations of Siberia in the 1940s-1960s.], Tomsk: Tomsk State University Publ., 2008, 408 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova N. S. Pravovoe polozhenie khristianskikh obshchin v 1953–1964 gg. [The legal status of Christian communities in 1953–1964]. *Religioznyi landscape Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2015, vol. 2. P. 75–83 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Osobennosti gosudarstvennoi registratsii religioznykh ob'edinenii v seredine 1950-kh — nachale 1980-kh gg. [Features of the state registration of religious associations in the mid-1950s — early 1980s.]. *Religioznyi landscape Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2015, vol. 2. P. 90–97 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Vliianie izmeneniiia vektora gosudarstvenno-konfessional'noi politiki SSSR na polozhenie religioznykh obshchin v Tuve v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh gg. [The influence of the change in the vector of state and confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Tuva in the late 1940s — early 1950s.]. *Oriental Studies*. 2023, 16 (5). P. 1152–1166. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166> (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Nachal'nyi etap stanovleniya sovetskoi sistemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Tuve v serедине 1940-kh gg.: k postanovke problemy [The initial stage of the formation of the Soviet system of state-confessional relations in Tuva in the mid-1940s: setting a problem]. *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 27–28 oktiabria 2023 g.* [Ethnic minorities in the history of Russia: materials of the IV International Scientific Conference, October 27–28, 2023]. Ed. by V. N. Shaidurov. Sankt-Peterburg: LGU imeni A. S. Pushkina, 2023b. P. 94–100 (in Russian).

KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1985, vol. 8, p. 535 (in Russian).

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzh-dena postanovleniem Chrezvychainogo VIII S'ezda Sovetov Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ot 5 dekabria 1936 g.) [The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936)]. Constitution of the Russian Federation. Research and production enterprise Garant-Service. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussp-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed August 5, 2024) (in Russian).

Mongush M. V. *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.)* [The history of Buddhism in Tuva (the second half of the VI — the end of the XX century)]. Novosibirsk: Nauka, 2001, 200 p. (in Russian).

Mongush A. V. Antireligioznaia propaganda v SMI v Tuve v 1954–1964 gg. (na primere materialov regional'nykh gazet "Tuvinskaia pravda" i "Shyn") [Anti-religious propaganda in the media in Tuva in 1954–1964 (based on the materials of the regional newspapers Tuvan Pravda and Shyn)]. *Religiiia i obshchestvo — 16* [Religion and Society — 16]. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2022. P. 57–60 (in Russian).

Mongush A. V. K voprosu uchastiia tuvinskikh delegatov-lam na Soveshchanii buddiiskikh duchkovnykh deiatelei SSSR v 1946 g. [On the participation of Tuvan Lama delegates at the Meeting of Buddhist spiritual figures of the USSR in 1946]. *X Mezhdunarodnyi Sibirskii istoricheskii forum "Sibir" i Rossiia: istoriiia i kul'tura'* [X International Siberian Historical Forum "Siberia and Russia: history and culture"]. Moscow: Pero, 2023. P. 458–462 (in Russian).

Opei-ool U. P. K istorii sozdaniia i likvidatsii buddiiskoi molitvennoi iurty v Kyzyl-Chyraa (g. Chadaana, Dzun-Khemchikskii kozhuun) s 1946 po 1960 gg. [On the history of the creation and liquidation of the Buddhist prayer yurt in Kyzyl-Chiraa (Chadaan, Dzun-Khemchik kozhuun) since 1946 to 1960.]. *Istoriia i sovremennost' Tuvy: sb. nauch. st. k 80-letiiu V. P. D'yakonovoi* [The history and modernity of Tuva: collection of scientific articles on the 80th anniversary of V. P. Dyakonova]. Kyzyl: GUP RT "Tyvapoligraf", 2007. P. 69–80 (in Russian).

Ostroukhova N. V. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniia gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v SSSR (1953–1963) [Features of the legal regulation of state-church relations in the USSR (1953–1963)]. *Istoriia. Politologiiia* [History. Political science]. 2020, vol. 47, no. 1. P. 160–169 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954a — Vyshe uroven' kul'turno-prosvetitel'skoi raboty na sele' [The level of cultural and educational work in rural areas is higher]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 137 (3141), P. 1 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954b — Shire razvernut' nauchno-ateisticheskuiu propagandu [To expand scientific and atheistic propaganda more widely]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 150 (3154), P. 2 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954 v. — Proiskhozhdenie i reaktsionnaia sushchnost' religioznykh prazdnikov [The origin and reactionary nature of religious holidays]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 159 (3163), P. 3 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954g — O kommunisticheskoi morali [About communist morality]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 173 (3177), P. 2 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954d — Rabota s liud'mi — glavnoe v deiatel'nosti partorganizatsii [Working with people is the main thing in the activities of the party organization]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 212 (3216), P. 2 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954e — Shamanizm i lamaizm, ikh proiskhozhdenie i reaktsionnaia sushchnost' [Shamanism and Lamaism, their origin and reactionary essence]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 214 (3218), P. 3 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954zh — Meditsina v bor'be s sueveriiami i znakharstvom [Medicine in the fight against superstition and quackery]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 220 (3224), P. 4 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954z — IV Plenum Tuvinskogo obkoma KPSS [IV Plenum of the Tuvan Regional Committee of the CPSU]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 223 (3227), P. 2 (in Russian).

Kharunova M. M.-B. *Sotsial'no-politicheskoe razvitiye Tuvy v seredine XX veka* [Sociopolitical development of Tuva in the mid-twentieth century]. Novosibirsk: Nauka, 2011, 139 p. (in Russian).

Khomushku O. M. Osobennosti gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v Tuve (1944–1990 gg.) [Peculiarities of state-church relations in Tuva (1944–1990)]. *Krug znanii: Nauchno-informatsionnyi sbornik* [Circle of knowledge: Scientific and information collection]. 1988, no. 1. P. 24–28 (in Russian).

Shkarovskii M. V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: (gosudarstvenno-tserkovnye otnoshenii v SSSR v 1939–1964 g.)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow: Izd-vo Krutitskogo podvor'ia: O-vo liubitelei tserkovnoi istorii, 1999, 423 p. (in Russian).

Shkarovskii M. V. Stalinskaia religioznaia politika i Russkaia pravoslavnaia tserkov' v 1943–1953 gg. [Stalin's religious policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *ACTA SLAVICA IAPONICA*, 2009, vol. 27. P. 1–27 (in Russian).

Shyn 1954a — Ertem-ateistig propagandany kalbartyr [To expand scientific and atheistic propaganda more widely]. *Shyn*, 1954, no. 177 (3114), P. 1 (in Tuvan).

Shyn 1954b — Khristian shazhynnyn tyvylgany bolgash angy talazy-bile utka-shynary [The origin and essence of Christianity]. *Shyn*, 1954, no. 248 (3185) (beginning), p. 3, no. 249 (3186) (continuation). P. 3–4 (in Tuvan).

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024